

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

“НЕ ТО, ЧТО НЫНЕШНЕЕ ПЛЕМЯ”

*(современная проза о современной войне —
повесть Василия Дворцова “Тогда, когда случится”)*

Исторически сложилось, начиная со “Слова о полу Игореве”, что лучшие художественные произведения русской литературы — произведения о войне. Потому, наверное, что война — событие не естественное для человеческого бытия, противное человеческой сущности, требует проявления превосходящих обыденные, особых качеств характера. Литература “золотого” XIX века вышла не только из “Шинели” Гоголя, но во многом из 1812 года, на недолгое время сплотившего всё русское общество, в котором под смертельной внешней угрозой освободились русские исконные метафизические смыслы, окрепли духовные силы. И творчество Пушкина достигло бы того поразительного боеспособного духа, если бы юный поэт из окна Царскосельского Лицея не следил с замиранием и восторгом честного своего, рвущегося им вослед сердца, за русскими полками, уходящими на освободительную войну? По известным социально-политическим причинам такая национально-духовная крепость не могла просуществовать долго. И уже через несколько десятилетий поручик Михаил Лермонтов, с грустью восклицая “не то, что нынешнее племя”, высоким слогом рассказывает современному ему “племени” о недавних, кажется, безвозвратно забытых победах отцов. Кстати, поэма “Бородино” была одним из немногих поэтических откликов на события великой освободительной войны. Не написал бы Лев Толстой свой гениальный роман “Война и мир”, не известно, как бы представлялась её история, её героическая действительность сегодня. Как верно сказал Александр Твардовский: “Разве война и победа русского оружия в 1812 году означала бы столько для национального патриотического самосознания русских людей, если бы, допустим на минуту, не было гениального творения “Война и мир”, отразившего этот исторический момент в жизни страны, показавшего в незабываемых по своей силе образцах величие народного подвига тех лет” (А. Т. Твардовский. Собр. соч. 1976–1983 г. Т. 5. С. 310).

История военного события состоит не только из баталлий, дислокаций и приказов, но из фактов героики, связанной с антропологией, осмысление природы которых по силам лишь философии и литературе. Поэтому в лучших произведениях русской-советской литературы о войне рассматривается в первую очередь человек, его поведение и поступок в обстоятельствах, требующих душевных и духовных усилий. В координатах героических смыслов,

продолжая богатейшую отечественную литературную традицию, работают многие современные писатели, такие как москвичи Николай Иванов, Виктор Николаев, петербуржцы Евгений Лукин, Николай Прокудин. Правда, их имена в противоположность модным именам хулителей Отечества не слишком известны. Все они, воспитанные на героической русской классике и литературе о Великой Отечественной войне, пережили “свою” войну, столкнулись с ней лицом к лицу, своими руками рыли могилы для погибших товарищей. В произведениях о современной войне, велением времени компактных, напряжённых, реалистичных, эти писатели доказывают, что и “нынешнее племя” имеет своих героев, достойных быть увековеченными в литературных образах. Юрий Васильевич Бондарев, знающий не только всё о войне, но очень многое и о литературе, сказал, что произведение получается только тогда, “когда диктатура идей родственно соединяется с диктатурой образа” (Ю. Бондарев. Мгновения. М., 2009. С. 137).

К художникам, которым по силам это трудное соединение, можно в первую очередь отнести прозаика, поэта, живописца, коренного сибиряка, а ныне москвича, Василия Дворцова. Название его повести “Тогда, когда случится”, не содержащее существительного, определяющих слов, кажется маловыразительным, даже случайным. Не дающее проекцию на сюжет произведения, оно, тем не менее, сразу же фокусирует внимание читателя, вводит его в состояние напряжённого ожидания беспрекословным утверждением, что что-то должно случиться.

В повести Василия Дворцова, действие которой разворачивается на Кавказе, а именно – в заключительный период Второй чеченской войны, нет задачи изображения полномасштабных военных действий, нет установки на всеобъемлющие нравственно-философские искания, отрицаются трагические темы рока. Писателю в первую очередь интересен человек как личность. Поэтому в художественных образах он проводит исследование взаимосвязи ничем не ограниченной свободы человека, подчиняющейся только личностному хотению (“по своей воле пожить”) и служебной надобности. Автора интересует соотношение социально-исторической детерминированности характера и влияние её на дальнейший жизненный путь человека. В повести так же выявляются предельно допустимые границы духовно-нравственной человеческой свободы в соответствии с необходимостью уважения другой личности.

Герой, с которым Василий Дворцов связывает развитие сюжета и которого из-за кажущейся незначительности его роли воина, участника батальи можно лишь условно назвать главным, отправляется в “горячую точку”, в большей степени по своей воле, чем по “казенной надобности”. Даже, скорее, по романтическому, воспитанному на произведениях Пушкина, Лермонтова мироощущению, которое определяется фразой, сказанной отговаривающей его матери: “А я хочу в армию!”. И в данном автором имени – Славка, или правильнее – Слава, уже слышится тема судьбы, которая, кажется, вот-вот по-“стучится в дверь”.

Вообще, к композиции повести, разделенной на временные интервалы и начинающейся, как некоторые музыкальные произведения – “из-за такта” – главкой “За три дня”, можно применить музыкально-поэтическую терминологию. Тем более что в повести много поэтических цитат, и начинает её писатель с развёрнутого романтизированного олицетворения похожей на “расплавленное чёрное стекло” с “неравномерным прибором” реки. Этот символичный, настраивающий читателя на непростое чтение драматический образ водной стихии, родственной реке жизни, является акцентной частью литературно-романтической интродукции. В неё автором, кажется, для усиления романтической проекции, сознательно вкраплены имена – Лермонтова, Демона, стихотворные цитаты из известных произведений поэтов-романтиков, поэтические описания местного колорита. Вообще, повесть Василия Дворцова, что неожиданно для современной литературы о войне, выстроена на первый взгляд в “системе романтического миропонимания” (Г. П. Макагоненко). Но это не тот, либеральный, вольнолюбивый, европейский романтизм, выстуживающий человеческую душу и отработанный в литературе по полной, но романтизм в новом его качестве – мягкий, согревающий, врачующий самые болезненные, духовные раны. Он кажется необходимым мостиком из горящего во грехах современного мира в мир духовной благодати. Так далеки сегодня друг от друга эти миры, что без постепенно повышающегося мостика-лестницы их не сблизить.

Автор сознательно возвращает в обедненную сегодняшнюю русскую литературу элементы психологического и отчасти гражданского романтизма, возвращает романтического героя. Романтические взаимоотношения и переживания, восходящие к новым, высоким уровням, подкупают читателя, соскучившегося по таким непреходящим сущностям человеческого бытия, как любовь, красота, честь, достоинство, самоотверженность.

Как и положено в романтическом произведении, видимая, облекающая его тема — тема борющейся за себя любви. На первый взгляд ничто не предвещает этой борьбы для молодых героев повести Славки и Александры, которые искренне любят друг друга, более того — в лютый зимний день дают обет Богу о сбережении своих чувств под венчальными венцами. Хотя для Славки это был просто красивый старинный обряд, романтическая уступка верующей невесте. Во имя материального будущего этой любви, благополучия семьи главный герой смело отправляется в почти остывшую, не пугающую его, уже послужившего в “органах”, “горячую точку”. Действительно, служба в подразделении обеспечения ОКПМ, а проще блок-поста, состоящая из однообразных, доведённых до автоматизма, совершающихся то под палящим зноем, то в непроглядной глухой ночи действий, разнообразится лишь принятием мер по прекращению неожиданной перебранки горцев, или урегулированию незначительного ДТП, случившегося с местными легковушками, или шумно летящей мимо свадьбой с салютом из автоматов. А в целом изматывающая, рутинная служба: “Сирены, сигналы, перегазовки и визг тормозов... Солнце выжелтило всё небо, асфальт размяк, броник как сковородка или вафельница, каска — сковородка. Ребята выливают прямо за ворот двухлитровую бутылку воды, но через пять минут уже совершенно сухие... Сотни досмотров и три-пять протоколов на день”.

Автор повести не торопится с развитием сюжета, отображая до мельчайших подробностей армейский быт, как будто хочет показать свои профессиональные знания, блеснуть мастерством рассказчика. Язык повести настолько образен, жив, где нужно — лёгок, юмористичен, иногда оправданно грубоват, но всегда убедителен, что хочется цитировать с каждой страницы. Василий Дворцов, автор многих хороших стихотворений, активно использует метафоры и олицетворения поэтического ряда, типа “холодный палец на теплом спусковом крючке”, или “На юге нет вечеров: в пять минут небо сиренево загустело, и Венера хорошо различимым серпиком повисла над чёрной-чёрной, как истекающая из неё нефть, землей”. А это реалистичные глагольные детали-характеристики двух Славкиных сослуживцев: “Сверчок толсто намазывал масло и одновременно, склоняясь, громко схлюпывал из стоящей на краю стола никелированной кружки. А доскребавший кашу Рифат ответно пыхтел, подталкивая большим пальцем сползающие с характерного татарского носика тонированные очки-“капельки”.

Писатель бережно, почтительно относится к каждому слову своей повести, среди которых нет пустых и малозначащих, ему удаётся проявить глубокие смыслы даже посредством вариации частей слова. Щемяще, по-отцовски звучит о солдате “крохотный мальчонка”, похожий “на тощего опёнка”, или “выставив перед собой стволы, солдатики почти одновременно задергали затворы” (курсив мой. — В. Е.). Известно, что в русских войсках совершенно нетерпимым и недопустимым считался слащавый тон о “солдاتيках”, который мог раздражать и деморализовать бойцов. Кроме того, в царской русской армии существовало правило, что даже за раненым солдатом должно ухаживать, но нельзя с ним нянчиться. В повести уменьшительно-ласкательные суффиксы в соседствующих существительных имеют метафорическое значение и позволяют автору повести художественно усилить образ новобранца-неумехи, которого безжалостно отправляют в топку войны бессовестные разжиревшие тыловики. Кроме того, этот приём позволяет показать вообще телесную слабость человека, беззащитность его перед средствами войны, а главное, выстроить смысловой антиномичный ряд в созвучии со строго-возвышенным устойчивым часто используемым определением “русский солдат”. Им автор уважительно обозначает высочайшие, героические уровни проявления человеческого духа и неизменное с царских времен воинское правило — “культ героев должен соблюдаться свято”. В этих антиномиях, обозначенных средствами морфологии и подтвержденных в дальнейшем событийно, писатель и развивает свой неторопливый сюжет.

Любовный, внешний, видимый сюжет повести только слегка намечен, и, на первый взгляд, кажется “лёгким корпусом” этой многочленной “матрешки”. Более сложным сюжетно и композиционно кажется весомое исследование автором собственно военного бытия в современной войне, которая отличается от всех прежних войн тем, что нет у русского солдата надежного тыла в государственном смысле. Образ Москвы в повести символизирует силы зловещие, продажно-предательские, противостоящие исконным русским властным традициям: “Москва выдала добро нефтедобычу по республике крышевать”, – отмечает автор. Кажется, как это может влиять на судьбу героя повести, на ход войны? Но в произведении нет ничего случайного, писатель создает связную, многоплановую панораму войны с передним краем боевых действий, о кульминации которых, о зверствах вспоминают участники Первой чеченской. Жизнь и обычаи местного населения, бытовые подробности жизни ОКПМ вторыми и последующими планами входят в эту панораму многоголосную, многоликую и многонациональную.

Национальный вопрос не может не возникнуть в повести, действие которой происходит на территориях с разнородным населением, истари находящихся в “русской орбите”. Что такое эта “русская орбита”, как она видоизменялась на протяжении веков, как становилась то “русской землей”, а то огненным “русским рубежом”, Василий Дворцов подробно рассказывает в самостоятельной исторической главе повести. Свою национальную позицию автор не высказывает ни прямой речью, ни в авторских отступлениях. Эта позиция проявляется только реальными, исторически подтвержденными фактами и событиями. Сложны исторические взаимоотношения России и Кавказа, мощная военная составляющая которых, скорее всего, относится ко второй категории в известной трёхвариантной классификации войн (по классификации, приведенной в трудах военного мыслителя А. А. Кресновского). К первой категории относятся войны, бесспорно, справедливые, за свободу Отечества против явных захватчиков. К третьей категории относятся боевые действия, не отвечающие интересам и потребностям государства и требованиям высшей справедливости, как, например, участие России в коалиционных войнах 1799 и 1805–1807 годов. Войн первой и третьей категории – абсолютно справедливых и абсолютно несправедливых, значительно меньше, чем войн второй категории. Это наиболее распространенные боевые действия, проводимые во имя интересов государства и нации. Общих правил и мероприятий для этой категории не существует, и в каждом отдельном случае нужно применять свою особую мерку, и оценка может быть сугубо субъективной. “Раньше, чем анализировать каждый отдельный случай, нам надлежит применить синтез: сгруппировать все вообще войны между данными государствами вместе, проследить их взаимоотношения на протяжении веков. Идя таким образом против течения истории, мы рано или поздно доберёмся до первопричины раздора, посмотрим в корень. И тогда определим, кто “взял меч” – следовательно, кто нарушил первоначальную гармонию между данными государствами и данными народами” (А. А. Кресновский. Философия войны. Издательство Московской Патриархии, 2010. С. 34.)

Василий Дворцов, наверное, не столько зная теорию военной науки, сколько по своей писательской интуиции, правильно выбрал метод оценки извечного “кавказского вопроса”. Автор повести исследовал его от времён зарождения на русских, позднее переданных казакам территориях известных сегодня устойчивых кавказских этнических групп в главе “За семьсот лет”.

Много исторических фактов приведено в этой, самой большой, главе повести, много горя пережили обе веками противостоящие стороны, много сложных чувств можно испытать, читая этот исторический экскурс, и по-разному относиться к произошедшему. Но чего в нём нет, как не было никогда в русской военной истории, так это мотивов шовинизма. Как будто русский солдат, а на Руси почти каждый русский – солдат, впитал с молоком матери простую истину, если прямо и не прописанную в воинских уставах, то вытекающую из совокупности христианских норм человеческих взаимоотношений: “отрекись от всякого шовинизма – чувства, которое всякий любящий свою Родину должен как можно больше избегать, чтобы не навлекать на неё несчастий” (А. А. Кресновский. С. 34). Тем более отвратительна христианской морали идея “интегральной войны”, то есть войны не только на победу, но на

полное порабощение и уничтожение противника, выдвинутая в XIX веке Клаузевицем и находящая сегодня своих последователей.

Как известно, немедленной целью обычной войны является победа, а конечной – мир. Именно эта связка, эта “иглочка с ниточкой” прошивает ткань повести, герои которой по сути своей миротворцы. Как говорит в одной из своих статей Василий Дворцов: “Миротворец – защитник слабых... Миру мир дают сильные. Это сильные способны остановить и утишить разгорячившихся, переломить и понудить неугомонных. Но не сама сила несёт мир, покой и договоренность. Она – только орудие и оружие, инструмент или доспех. Сама по себе сила – физическая, техническая, информационная – лишь реализатор мысли, воплотитель воли... Мир людей, процветая и тратясь, благословляя Создателя или оскорбляя, по сути, живёт неисчислимостью равноупорных противостояний и схваток. Всякий человек от рождения и до смерти призван и обречён участвовать в этих противлениях и битвах, вольно или невольно выбирая сторону и знамёна. Ибо лишь сопричастник поединка добра и зла обретает истинную самооценку” (В. Дворцов. Русские для России. М., 2010. С. 24). Потому в произведении меньше военных действий и больше мира, что автора в большей степени интересует не техническая сторона войны, а поединок добра и зла, который в мирное время открыто перемещается в метафизическую плоскость. Потому через всю повесть “сквозит” мирное время, так как писатель исследует не военную силу, как таковую, не силу, “подобную палке, которой можно сбить и опрокинуть, но нельзя перевернуть и приподнять”. Но точку опоры этой силы: “Опора для силы – правда. Сила, опирающаяся на правду, возносит мир... Миротворец – воин правды”. (Там же. С. 25).

Своих “воинов правды” автор повести изображает с нескрываемой симпатией и состраданием. Не отличающиеся геркулесовой силой, по-детски мечтающие о доме, о родных, они, однако, выполняют воинский долг с достаточным усердием, успешно и с честью. Мы видим их армейскую дружбу, смекалку, смелость. Они даже цитируют Пушкина, Лермонтова, Дениса Давыдова, подражая героическому гусару-поэту. Автор показывает хорошие взаимоотношения ребят разных национальностей: русского, татарина, украинца. Они дружат и с мирным местным населением, которому по надобности помогают. Несмотря на то, что “у войны не женское лицо”, в повести много образов женщин, восхищающих своей нравственной красотой, нежностью, самоотверженностью – качествами, табуированными в современном массовом литературном производстве. Так что эта линия в повести достойна отдельного литературного исследования. Женщины олицетворяют дыхание мирной жизни, за которую ошибочно иногда принимают потерявшие бдительность жизнерадостные охранники блокпоста свои опасные военные будни. Одни по-мальчишески соблазняются спелыми черешнями в заброшенном саду, а кто-то пытается поухаживать даже за местной девушкой. Но нельзя многого из того, что хочется этим “воинами правды”! Нельзя потому, что правда – всегда трудно, потому что есть у неё свои непререкаемые законы.

Осмысление и осознание величины амплитуды колебаний в категориях “можно” и “нельзя” – в морально-нравственном плане и на высшем – духовном уровне, есть энергетический источник повести. Это как будто кровоток произведения, обеспечивающий его внятное современное звучание и узловое место в историческом литературном ряду, которого повесть, как мне видится, достойна многими сюжетно-композиционными и художественно-смысловыми находками. Так, одной из прочнейших смысловых оболочек является непреходящая тема отцовства, поднятая и достаточно разработанная русской классической литературой “золотого века”. Современный прозаик смело берётся за эту тему, имеющую таких великих её представителей, как гоголевский Тарас Бульба или лермонтовский Максим Максимыч. Такая авторская смелость оправдана не только тем, что каждое время, тем более отстоящее на полтора столетия от названных героев, привносит что-то своё, но и потому, что в христианском понимании она неисчерпаема, как познание путей Божиего промысла и законов Божиего мира. Именно в этой теме проявляются национально-смысловые доминанты русского бытия.

В повести даётся несколько разнонаправленных линий “отцовства”. Чеченец Хазарт, страстно любящий своих сыновей, обучает их первобытным обычаям существования в человеческой стае, учит убивать чужих, вдалбливает им

тейповое сознание, в основе которого беспрекословные законы рода, стремление к материальному благополучию и к превосходству над любым инородцем, система обязательств кровной мести. Эти отчасти познавательные страницы повести вызывают ужас у любого, воспитанного в христианской морали человека, когда автор поясняет, например, что означает штык над чеченской могилой: “Это значит, что кто-то неотмщённый похоронен... Прикинь: у каждого чеха по десять-пятнадцать детей. А профессия на всех одна – разбой. Поэтому, когда семья теряет семь-десять сынов, это для них норма. Норма! Больно, конечно, но не смертельно. В горах вообще только так и можно остальных выкормить. Нам с тобой не понять: у нас одного мальчонку убили, и – всё! Всё! Нет больше фамилии. Ни Ивановых, ни Петровых, ни Сидоровых. Одно “двухсотого” достаточно, чтобы целый русский род пресечь”.

Мучительные, не имеющие определенных очертаний, отцовские чувства испытывает к своим подопечным и командир миротворческого подразделения, молодой майор Гусев. Опытный омоновец, он основной задачей для себя видит только заботу о сбережении личного состава: “Двенадцать лет в ОМОНе, да из них десять Кавказских, закрепили проклятую необманивающую интуицию офицера страшным опытом “двухсотых” с непереносимыми вопросами матерей, криками вдов и глазами сирот. Поэтому Гусев суверенно благодарил судьбу за фору – за это мучительное время предчувствий, которое отпущалось ему на разгадывание заготовленного судьбою же ребуса. И если хватало логики, и он успевал просчитать направленность развития ситуации, то – бывало! Бывало же! – ничего и не случилось. За неразгадку приходилось платить всегда. Собой или кем-то”.

В этом ряду образ пятидесятилетнего милиционера Ивана Петровича по кличке “Старый”, который к каждому солдату относится как к родному сыну, занимает центральное место. Это образ редкой в наше время, и потому особенно притягательной, земной всеобъемлющей отцовской любви. Иван Петрович необыкновенно красив в этом своем природном таланте любви и тем, что несёт богатство своего жизненно-нравственного опыта, посредством которого помогает неопытным солдатам осмысливать и принимать мир в его константных для русского человека категориях и идеях. Как Тарас Бульба, он своей грудью готов заслонить от врага всю Россию, в своих объятиях укрыть от бед всех сыновей всего мира. Поэтому старый милиционер, не имея опыта различенья духов, не задумываясь, спасает детей Хазарта, которые потом станут убивать его сослуживцев. Как заботливый Максим Максимыч, он пытается предостеречь молодых солдат от ошибок, он пестует их со всей любовью своего, не знавшего родных детей, сердца. Образ Ивана Петровича заставляет вспомнить не только лермонтовского Максим Максимыча, заботящегося о Печорине, но и пушкинского Савельича, который, предостерегая молодого Гринёва не отдавать заячий тулуп чернобородому незнакомцу, пытался уберечь юношу от зла. И здесь стоит порадоваться за то, что автор повести “Тогда, когда случится” возвращает в современную литературу этот тип заботливого, мудрого, сердечного дядьки-пестуна, всегда встающего живой преградой между юной, наивной жизнью и вечным злом, пытающимся соблазнить её и погубить.

Конечно, не о “тулупе” беспокоится Иван Петрович. Он пытается приучить своих подопечных к регламентированной военной жизни, советует жить по велению ума, а не сердца, по надобности, а не по своей глупой воле. Большой находкой писателя является использование в тексте цитат из действующего Воинского Устава. Этими выдержками, интересными и для читателя, автор создаёт крепкую историческую связку с такими известными и необходимыми воинскими артикулами и обрядами, как “Учреждение к бою по настоящему времени” Петра Великого, “Обряды службы” Петра Румянцева или великой “Наукой побеждать” Александра Суворова, укреплявшими на протяжении веков славу русского оружия и силу русского воинского духа. Хотя не это главное. Цитаты из Устава, отграничивая возможно-допустимую территорию морального бытия, играют гораздо более значимую роль в раскрытии и исследовании интересующего автора духовно-нравственного смысла послушания.

Понятно, что высший уровень “отцовства” сопряжён с постижением и исполнением высшей воли – воли Отца Небесного, и может быть явлен в границах “своеволие – послушание”. В этом смысле трагична судьба главного героя повести – Славки, обретшего Божию благодать в таинстве Венчания

и предшествовавших ему таинстве Исповеди и Причастия, но нарушившего обет Богу. Причём это нарушение, не связанное с какими-то осознанными мотивами, произошло именно по духовной неопытности, которую никакими уставами, никакими моральными предостережениями предупредить нельзя. И здесь раскрывается по-современному мысль верующего автора, что никогда отзывчивый, всех любящий Иван Петрович, не сможет в деле спасения своих подопечных заменить строгую, но истинно спасительную к своим духовным чадам любовь священника. Такого, как, например, отец Василий, ровесник Ивана Петровича, который поделился с венчающимися величайшей ценностью – возложенной на него Божией благодатью и радостно пропел над ними: “Исайя, ликуй...”.

Так повесть, начинавшаяся с применения автором элементов романтического метода, неуклонно, через “истинный романтизм”, как его называл Пушкин, то есть реализм, – путём реальных событий и сознательных поступков героев, выходит на уровень духовных обобщений. Сцена Венчания, образ Церкви, первосведения о Православии указывают центр жизненных координат, который может менять своё местоположение вследствие великого дара Творца человеку – свободы выбора, свободы воли. Человек сам выбирает – ступить ли ему на путь добродетели или направиться в сторону греха. Эта амбивалентная, мучительная в непрестанной проблеме выбора, свобода, как известно, есть следствие первородного греха. Грех главного героя повести попадает, скорее всего, в разряд неосознанного, судя по тому, с какой неразумно-романтической лёгкостью Славка, женатый мужчина, как будто играя в Онегина-Печорина, втягивается в романтические отношения с юной горской девушкой, живущей далеко не по романтическим законам. Она его заманивает за границу ОКПМ, и солдат, не догадываясь, что это ловушка, легко следуя за горянкой, вступает на путь мученичества. Чеченская девушка выбрала голубоглазого Славку, чтобы принести его в жертву адовым силам и тем выкупить свою никчёмную судьбу. Образ Лии, ставшей орудием зла, ещё одна удача автора повести. Разработанный художественно и психологически, запоминающийся образ “девушки-червячка” значительно дополняет картину нравов и быта горцев, а также в своей фанатичной целостности противопоставляется романтически глупому Славкиному стремлению хоть на часок пожить “по своему хотению”, хоть на мгновение вырваться “за регламент”.

Но пути и милости Господни неисповедимы, и эта глупость обернулась Славкиным подвигом, жертвой, оправдавшей его жизнь. По неопытности “вызвав огонь на себя”, он, по сути, спас сводный отряд из 50 человек, на который чеченская банда тайно готовила нападение в ближайшие дни. И не известно, сколько наших ребят тогда могло бы погибнуть.

Жертвенна не только судьба Славки, с особой жестокостью замученного боевиками, среди которых изощрялся в зверствах сын Хазарта, спасённый Петром Ивановичем, но и судьба самого Ивана Петровича, который, сам того не желая, подготовил разыгравшуюся трагедию, передавая Славке письма от Лии. Старший прапорщик только тогда понял свою ошибку, когда уже ничего нельзя было изменить. В этот страшный миг он понял самое главное: в таком случае помочь может только Бог. И взмолился “Старый”, не зная как это надо делать, но взмолился так страстно, так внятно, наверно, впервые в жизни. “И вдруг слово нашлось – “вразуми”. Да! Да! “Вразуми!” Где, когда, от кого он слышал это старинное, как бы нарочитое, давно неупотребляемое словечко, но такое вот нужное, и именно сейчас, сию минуту нужное?..” И “не почувствовав источника толчка... ничего до конца не соображая, он как бы чужой волей” ринулся в бой-искупление. Господь вразумил старого солдата, дал ему способность различенья духов. И в нежданной схватке зло было повержено его жертвенностью.

По бессмысленно слепому закону Иван Петрович “своими же правдолюбями” был отправлен в тюрьму за то, что убил сына Хазарта, подростка, но уже равноправного члена банды. И здесь высвечивается ещё одна глубинная тема повести – “о законе и благодати”. Безблагодатный закон – закон, в котором не подразумеваются положения Нагорной проповеди, может быть привлечён адовыми силами на свою службу в борьбе с правдой и справедливостью. На стороне последних, бесспорно, находился Иван Петрович, убивший малолетку-отморозка, бандита, только что пытавшего его “названного сына” Славку.

Тема “отцовства”, неразрывно связанная с темой “жертвования” – “Так возлюбил Бог землю, что послал Сына своего единственного”, – рассмотрена в повести тоже в сложных взаимосвязях, но, главное, по канонам христианского вероучения, в котором жертва “во искупление” есть жизнеобеспечивающее условие земного, продолжающегося в вечности бытия. Иван Петрович принёс страшную “свою” жертву на поприще своего служения. Трагедия для него не в том, что он поставил под кару свою, уже состоявшуюся, уже вечеряющую жизнь, а в том, что не уберёт жизнь полюбившегося ему как родного сына солдата, относящегося к жизни и службе с недопустимой детской неразумностью. В этой отеческой любви не познавшего плотское отцовство старого милиционера к своим “детям” – молодым защитникам Отечества – просматриваются тоже библейские аналогии, вспоминается, что Господь говорил: “Будьте как дети” и “Пустите детей приходите ко Мне”. Почему – дети? Николай Сербский так отвечает на этот вопрос: “Почему детей, Господи, почему детей ждёшь Ты?.. Оттого жду детей, что и Сам Я – дитя. Как дитя, Я Сам Себе не принадлежу, и, как дитя, не ищу славы для Себя. Как дитя, не думаю ничего от Себя и не говорю ничего от Себя, и не делаю ничего от Себя. Но, как дитя, Я думаю то, чему учит Меня Отец Мой, и говорю то, что слышу, и делаю то, что вижу... Дети перестают быть детьми из-за плохих вождей своих, которые запрещают им постоянно быть со Мною и научают их старческой мудрости мира. А Я не перестаю быть ребёнком, ибо питаюсь вечной мудростью неба” (Святитель Николай Сербский. Избранное. Минск, 2004. С. 176–177).

Не фатальные стечения обстоятельств стали роковыми, но грех, как проявление свободы духовно незрелой воли, отсутствие механизма моральной ответственности. Беды с героями во многом произошли из-за этой, как метафорично говорит святитель Николай Сербский, “старческой мудрости мира”. Считается, что человек, тем более давший клятву и не выполняющий своих обязанностей, выпадает из всеобщей мировой гармонии, становится уязвимым. Образно говоря, в Покрове простертой над ним Божией благодати появляются трещины, через которые просачивается зло. Нет, это не только художественный образ, ведь ещё В. И. Вернадский исследовал механизм и доказал влияние воздействия нематериальной мысли на материю. Материя, пронизанная духом, – сила великая, усовершенствующая мир и живущих в нём.

Славка свой, на первый взгляд, не такой уж и значительный грех искупил ужасающими физическими мучениями. Жизнь он искупил свет жизни своего ещё не родившегося сына, зримым сияющим образом которого, находящегося во чреве ещё не знающей о трагедии матери, заканчивается эта сложная, пронизанная Евангельскими аналогиями военная повесть: “Саша подошла к окну. Глядя сквозь плотный тюль на качивающие и рассеивающие солнечный свет глянцево-сизые тополиные листья, осторожно приладила ладонями тяжело потянувший живот: вот мамочка разнервничалась, и дитя тут же забило, затолкалось ножонками. Ну тише, малыш, тише. Ничего страшного, Славыч, ничего не случилось”...

Композиционное совмещение кульминации произведения с финальными страницами позволяет писателю создать в едином времени духовно-физическую целостность “отец-сын”, проецируемую на целостности космического порядка, законы существования которых можно постичь только метафизически. Символичная преемственность имени Слава не только закольцовывает композиционно-смысловую структуру повести, символизируя Славу военную, но и вечную славу Божию, Господнее спасительное милосердие. Во всей Своей полноте питающее новую человеческую жизнь, пока ещё находящуюся в утробе матери, жизнь, олицетворяющую русскую вечность.

Много тем разработано в повести, ещё больше намечено: прорисована тема алчности и продажности высшего начальства, показано самопожертвование, как национальный признак, затронута тюремная тема. В ней автор выражает своё видение преступного мира, в том числе и чеченских бандформирований, как воплощения адских сил. При этом писатель подчёркивает, что по действиям таких малочисленных разрозненных бандитских группировок нельзя судить о всём чеченском народе, тоже уставшем от этих словорезов. Затронута также тема важности исторической правды, тема “иног” национального сознания. И многие-многие другие. Иногда даже кажется, что есть некая тематическая перегруженность, можно отметить и длинноты в описании

подробностей армейского быта. При этом в произведении, стремящемся к освоению духовной реальности, к сожалению, использованы только внешние образы церковной жизни. Для читателя, не знакомого с основами Православия, скорее всего, будут не очень понятны глубинные мистические причины происходящего в связи с Евангельским законом. Хотя автор подводит к проблеме необходимости христианизации армии, в повести эту тему он не рассматривает. А ведь проблема напрямую связана с боеспособностью современных российских вооружённых сил и будущего России, и было бы интересно увидеть её осмысление верующим писателем, обладающим боевым опытом, твёрдой, осознанной жизненной позицией и действенным словом.

С помощью насыщенной художественной картины реалистичных образов, сложной системы взаимоотношений и поступков героев, с помощью содержательных авторских отступлений Василию Дворцову удастся создать целостное произведение, доказано излагающее мысль, которую обобщенно можно выразить словами жившего в VI веке богослова – преподобного Максима Исповедника: “По природе порядок должен быть такой, чтобы разумная наша часть покорялась Божественному слову, и сама властвовала бы над неразумной. Сохраним во всём этот порядок, и ни зла не станет в творениях, ни влекущей к нему силы не найдётся” (преп. Максим Исповедник. Главы о любви. Образ. 2005. С. 49). Но для чего мы приходим в этот мир? Для чего мы должны выстраивать этот порядок и за него идти на войну? “Как ни странным может показаться, – отвечает нам святитель Николай Сербский, – но это истинно, что мы приходим в сей мир не для того, чтобы наслаждаться им, а чтобы спастись от него. Подобно как люди идут на войну не для того, чтобы наслаждаться войной, а чтобы спастись от войны! Люди идут на войну ради чего-то большего, чем война; мы приходим в эту жизнь ради чего-то большего, чем эта жизнь. Мы приходим в эту жизнь ради жизни вечной” (Святитель Николай Сербский. Избранное. Минск, 2004. С. 354).

Эти слова святителя проясняют главный, сокровенный смысл повести Василия Дворцова, повести о наших войнах, о наших поражениях и победах, о наших временах, к которым, кажется, обращены слова апостола Павла, ставшие эпиграфом произведения: “Когда будут говорить “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба” (Ап. Павел 1-е Фессал. 5:3). Их – то есть боящихся смерти, идущих на компромиссы с совестью ради жизни временной в ущерб жизни вечной, допускающих безнравственное существование, настигнет пагуба. Да, это о наших временах, но не о нашем народе, который всей своей героической историей, всем своим метафизическим образом бытия, православным миропониманием, осознанием возможности достижения Жизни Вечной, не принял физическую смерть как единственно возможный итог человеческого существования. Поэтому никогда он не боялся войны и в справедливых баталиях всегда побеждал. Но, идя на войну и побеждая, наш народ всегда чаял мира, однако мира не любой ценой, а только такого, который есть “мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа” (Ап. Павел Филлип. 1:3). И до тех пор русский народ непобедим, пока будет жить этим миром, и стоять за него в военные и в мирные времена.

Санкт-Петербург